

Библиотека драматургии
Агентства ФТМ, Лтд.

Уильям Батлер
Йейтс

На королевском
пороге

Перевод с английского
Григория Кружкова

Библиотека драматургии Агентства ФТМ

Уильям Йейтс

На королевском пороге

«ФТМ»

Йейтс У. Б.

На королевском пороге / У. Б. Йейтс — «ФТМ»,
— (Библиотека драматургии Агентства ФТМ)

ISBN 978-5-4467-2057-6

Прославленный поэт Шонахан лежит на лестнице королевского дворца в Горте. Король исключил его из совета, тем самым поправ древние права поэтов. Шонахан решает ответить на обиду по древней традиции, уморив себя голодом у дверей обидчика, что считается бесчестьем для дома, даже для королевского. К нему приходят многие: ученики, мэр его родного города, посланец от родителей, возлюбленная, никто не может уговорить его отказаться от своих намерений. Король и сам бы рад спасти поэта, столь популярного в народе, но однажды приняв решение, вернуть Шонахана в совет он уже не может, иначе – подорвёт свою власть. Так мы становимся свидетелями смерти человека, который готов на всё ради своих убеждений.

ISBN 978-5-4467-2057-6

© Йейтс У. Б.
© ФТМ

Уильям Батлер Йейтс

На королевском пороге

Действующие лица

Король Гуаири.

Шонахан.

Его ученики.

Мэр Кинвары.

Двое калек.

Брайан, старый слуга.

Фидельма.

Дворецкий.

Воин.

Монах.

Придворные дамы.

Две принцессы.

Лестница королевского дворца Гуаири в Горт. Перед лестницей сбоку – стол с едой и скамья. Шонахан лежит на ступенях. Ученики переминаются внизу. Король стоит на верхней ступени перед занавешенным входом во дворец.

Король

Мы рады видеть вас – людей, искусных
В двух видах музыки, что меж собой
Несходны, словно женщина с мужчиной.
Вы, знающие струнные орудья,
Способные сливать слова и звуки
Столь сладостно, как будто речь сама
Становится мелодией, и вы,
Умеющие дуть в витые роги,
Чье ремесло без слов, зато без лести
Кумирам времени, – благодарю.
Мы ждали вас, как ждет любовник ночи
В серебряном возке, как одинокий –
Рассвета в колеснице золотой.
Вы призваны сюда, чтобы спасти
Жизнь вашего учителя; сегодня
Она как угасающее пламя –
То вспыхнет, то поникнет.

Старший ученик

Что случилось
С великим Шонаханом? Лихорадка –
Или иная хворь? Когда он слег?

Король

Не лихорадка это и не хворь.
Он сам по доброй воле выбрал смерть,
Отказываясь от воды и пищи,
Чтоб досадить мне; ибо есть обычай –
Старинный и нелепый: если кто-то
Обижен иль сочтет, что он обижен,
И голодом себя заморит сам
Под дверью у обидчика, такое
Считается бесчестием для дома,
Будь это даже царский дом.

Старший ученик

Не знаю,
Что и сказать. Мой долг – повиноваться,
Но как повиноваться я могу,
Когда мой самый дорогой Учитель
Счел для себя достойней умереть,
Чем вынести обиду? Кто решится
Швыряться жизнью из-за пустяка?

Король

Я знал, что вы поддержите его,
Пока не убедитесь, как мелка
Причина для обид. Три дня назад
Я уступил роптанию придворных –
Епископов, воителей и судей –
Узревших для себя бесчестье в том,
Что вместе с ними на Совете Высших
Сидит слагатель песенок. Сперва
Я попросил его весьма любезно,
Но он сослался на права поэтов,
Что якобы от сотворенья дней
Утверждены. На это я ответил,
Что лишь король – источник всяких прав
И только тем мужам, кто правит миром,
А не поет о мире, подобает
Честь высшая. Придворные мои –
Епископы, воители и судьи –
Все выразили криком одобренье;
Под этот шум он вышел, но с тех пор
Отказывался от еды и пищи
С надменным вызовом.

Старший ученик

Мне стало легче;

Вы сняли камень у меня с груди –
Обычай старый вряд ли стоит жизни.

Король

Уговорите есть и пить упрямца.
Сперва я думал: может быть, сам голод
И жажда убедят его, но тщетно.
Он, видно, хочет уморить себя.
На вас отныне вся моя надежда,
А также на соседей и друзей,
К которым я послал гонцов. Пока
Он здесь лежит и губит жизнь свою,
Честь моя гибнет. Но и на попятный
Пойти нельзя: все сразу обвинят
Меня в постыдной слабости, и трон
Поколебаться может.

Старший ученик

Понимаю –
И попытаюсь убедить его.
Быть может, пребывая в неких грезах,
Он ваших справедливых слов, король,
Не слышал вовсе.

Король

Пусть поест немного.
Тревожусь я не только о себе
И добром имени своем, но также
О нем самом. Он человек, способный
Внушить к себе любовь и мужу битв,
И женщине – и всякому, кто судит
О человеке лишь по одному
Достоинству его. Но я – на троне,
И должен мерить мерой государства.
Своим безумством он превысил меру,
Своей гордыней пошатнул устои,
Повел себя надменно и мятежно.

(Готовится уйти, но вновь оборачивается).

Сулите ему дом с землей и лугом,
Богатые одежды, деньги, жемчуг –
Все, кроме права древнего поэтов.

Уходит во дворец.

Старший ученик

Король несправедливо поступил.
Но Шонахан, решивший умереть
За отнятое право, судит вздорно.
Взгляни на нас, Учитель. Отрешись
От дум своих и погляди на нас:
Всю эту ночь с коней мы не сходили,
Скакали от заката до восхода,
Чтоб оказаться здесь.

Шонахан (*опираясь на локоть и говоря, как сквозь сон*)

Я был сейчас
В высоком доме на холме Альвина
Со мною – Финн и Осгар. Щекотал
Мне ноздри запах жареного мяса.
И вдруг – мой сон унес меня к ручью,
Где Грания лосося потрошила...

Старший ученик

Заплакать можно, слыша этот бред,
Голодный сон про жареное мясо.
А всё зачем? – Рассказ о журавле,
Что голодом себя морил, пугаясь
Своей же тени в лунной зыби вод,
Не так причудлив и не так нелеп,
Как это заблуждение.

Шонахан

Заблуждение?
Нет, это истина. Как в лунном свете,
Я вижу, изменилось все вокруг;
Плоть, ослабев, не сдерживает больше
Полета мысли, что стремится в мир
Снов и фантазий. Показалось даже,
Что мне знакомы ваши голоса
И даже лица, – но слова настолько
Противоречат им, что я не знаю:
Кто это упрекать пришел меня?

Старший ученик

Я старший ученик твой, Шонахан,
Которого учил и наставлял ты
Так долго, что на Сретенье однажды
Сказал мне, будто я уже постиг
Едва ль не все, что нужно знать поэту.

Шонахан

Мой старший ученик? Не может быть.

Нет, это кто-то из толпы придворных,
Роившихся вокруг меня с рассвета.
Я заморожен снами – но не сдамся.
На Сретенье, сейчас припоминаю,
Я спрашивал ученика, за что
Поэзия столь чтима; мне хотелось,
Чтоб у него всегда был наготове
Ответ для диких, варварских племен
И тамошних царей. Ну, повтори:
Что он ответил мне?

Старший ученик

Я отвечал:
Поэт рисует образы Эдема
И над младенческой кроваткой мира
Их вешает, чтоб дети возрастали
Для радости и счастья. Но зачем
Я должен здесь стоять, твердя зады,
Когда ты губишь сам себя, Учитель?

Шонахан

Я начинаю узнавать твой голос.
Скажи еще, когда умрет искусство,
Что будет с миром?

Старший ученик

Коль оно умрет,
Мир без искусства станет, словно мать,
Что, глядя на уродливого зайца,
Родит ребенка с заячьей губой.

Шонахан

И я тебя еще потом спросил
(Припомни, коли ты есть ты), как должно
Хранить поэзию, – и ты сравнил
Ее с ценнейшими из всех вещей,
Какими Небо одарило Землю.

Старший ученик

Я отвечал, как ты меня учил:

Ее хранить должны мы беззаветно,
Как племя Даны бережет свои
Четыре клада, как король Грааля –
Святую Чашу, как Единорог –
Волшебный камень у себя во лбу, –
Чтоб кровь свою пролить без колебания,
Как сладкое вино... А, понимаю!
Меня ты хочешь устыдить сейчас
Моими же словами. Но, Учитель,
Речь только о Совете Королевском:
Как может этаким пустяк затронуть
Достоинство поэзии?

Шонахан

В тот раз,
На Сретенье, поэзию отнес ты
К тем уязвимым Божьим чудесам,
Что не выносят унижений.

Старший ученик (*другим ученикам*)

Верно.
Что я скажу? В тот раз он называл
Двор отраженьем мира, самым первым
Его пригожим детищем, и, значит,
Всё то, что делается при Дворе
Тотчас же проникает в мир – благое,
Как и дурное. Как ему ответить?
Какой нелживый довод подыскать?

Младший ученик

Скажи, что музыка его нужна
Всем любящим ее.

Шонахан

Я и тружусь
Для них – тех, что вот-вот должны родиться
И, внемя няньке, голос обрести –
Чтоб даже гнев звучал как звуки арфы.
Но где им взять величье, если я
Не приготовил золотую зыбку?

Младший ученик (*бросаясь к ногам Шонахана*)

Зачем меня увел ты от родных,
От пастбища отцовского и поля?

Зачем мне в уши музыку вложил?
Куда пойду я, дважды обездолен –
В невыносимый крик и шум мирской?
Я брошу наземь и трубу, и арфу.
Зачем играть и петь с разбитым сердцем,
Учительской не слыша похвалы?

Шонахан

Чего еще ты от поэтов ждал,
Как не печали? Замолчи и слушай.
Суровые ступени эти – школа,
В которой буду я тебя учить.
Запомни: даже на руинах мира
Поэзия пребудет петь, ликуя;
Она – как расточающая длань,
Как треснувший стручок, как радость жертвы
В святом огне, как Божий смех во мгле.
Но смех умолк в ушах... Мне одиноко,
И слезы жгут...

Младший ученик

Не умирай, Учитель!

Старший ученик

Молчи, не беспокой его напрасно
Словами жалкими. Одно осталось –
Пойти и поклониться королю,
Что он вернул отобранное право.
Пойдем, дружок, со мной. И будь, что будет.

(Поднимает Младшего ученика)

Преклоним перед королем колени.
Оставьте здесь лежать рожки и арфы.
Отправимся в молчании, ступая
Неслышным шагом, головы склонив,
Как подобает глубоко скорбящим.

*Все по очереди слагают на ступени свои инструменты и выходят друг за другом медленно и торжественно. Входят **Мэр**, двое **Калек** и **Брайан**, старый слуга. Мэр, чье бормотание предшествовало его появлению, пересекает сцену перед Шонаханом и останавливается по другую сторону ступеней. Брайан достает еду из корзинки. Калеки наблюдают за ним. Мэр держит в руке жезл, покрытый огамическим письмом.*

Мэр (пересекая сцену). «Величайший поэт, почетный гражданин, пастбищные угоды...» Главное, ничего не перепутать. «Почетный, величайший, угоды...» Тут у меня на

жезле все записано чертами и резами. И все-таки надо повторить еще раз: «Почетный, пастбищный... это разумно...» *(Продолжает тихонько бормотать себе под нос.)*

Первый калека. Так и надо этому Королю, если Шонахан навлечет на него несчастье! Что такого в этом короле особенного? Он такой же, как все смертные, и вот надо же – позволяет себе менять старые обычаи, которыми люди жили испокон века.

Второй калека. Если бы я был королем, я бы не стал связываться с человеком, складывающим стихи. Есть в них что-то неладное. Знавал я одного такого, который из года в год складывал стихи, сидя на развилке дорог под кустом боярышника, так что в конце концов весь боярышник на дороге, от Инчи до Килтартана, увял и засох, а ведь он был такой же оборванец, как и мы.

Первый калека. У тех, кто складывает стихи, есть власть не от мира сего.

Мэр. Можно сказать, я наполовину готов.

Первый калека. Не тот ли это, который говорил тебе о благодатном источнике? И о маленькой святой рыбке?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.